

18+

Александр Мохов

Нориљчонок

Всполюхи детства

Александр Жохов

Норильчонок. Всполохи детства

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70540822

ISBN 9785006269705

Аннотация

Всполохи – это яркие вспышки эмоциональных воспоминаний о событиях далёкого детства. Поиск опоры, личного фундамента в непростые времена. Никогда не вёл дневниковых записей и какого же было моё удивление от обилия деталей и мелких подробностей, всплывающих из глубин собственной памяти.

Содержание

Родителям	5
Беглец	7
Деда Ваня	9
В Цирке	12
Голоса	17
Аэропорт «Северный»	21
Первая книжка	24
Карусель	31
Капитан	40
Арбуз	45
Капкан	51
Тьма	56
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Норильчонок

Всполохи детства

Александр Жохов

© Александр Жохов, 2024

ISBN 978-5-0062-6970-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Родителям

(Мой День рождения.

Санкт-Петербург. 2022 год)

Вы ушли и оба стали ближе.
Оба стали ближе и родней.
Стали, будто, на голову выше.
И на жизнь прожитую мудрей.
В суете, стремительности жизни,
мама с папой – это навсегда.
Мы не замечаем, только ближе,
безвозвратность. Дальше пустота.
Я не смог из телефонной книжки
удалить родные номера.
И с упрямством глупого мальчишки
до сих пор жду вашего звонка.
Мамин голос ласковый: – Сынуля.
Сыночка, ну как твои дела?
Мама... Мамочка... Моя мамуля.
Ты прости, не радовал тебя.
Время вспять не ходит. Нет дороги.
Набело мы пишем черновик.
Мы в своих стремлениях убоги.
Как же редко помнили о них.

Тех, кто подарил нам радость жизни
Тех, кто наши выходки терпел.
Тех, кто прививал любовь к отчизне.
С нами огорчался и болел.
Принимая дар любви обильной,
мы не в состоянии понять
важности Любви. Такой. Всесильной!
Что могли, лишь Мама с Папой дать.

09.07.2022

Беглец

(Красноярск. 1972 год)

Сквозь зёрнышки просвечивало солнце
у самой вкусной ягоды на свете.
Я в палисадник ящеркою вторгся,
меня никто вообще не приметил.
В кустах высоких сквозь листву и стебли,
смотря, как ищут взрослые меня.
Не издеваюсь, просто днём отметил,
что созревает ягодка моя.
Эх, взрослые, да чтоб вы понимали,
на палисадник вешая замок.
Замки мы ваши, даже не ломали,
я ужином под плёнкой тихо втёк.
Вот все меня «теперича» ищите,
большие, да? Вам только невдомёк,
не поминайте лихом, не взыщите,
свою малинку съем я точно в срок.
И я заснул среди кустов в малине.
Спокойным сном трёхлетки без забот.
Я спал, а мама с папой голосили.
Я им уже ничем помочь не мог.
Под утро, вот, не трудно догадаться,

меня скрутили, я бежать не мог.

С моей малинкой мне пришлось расстаться,
но папка взял и выбросил замок...

20.06.2022

Деда Ваня

*(ул. Аэровокзальная.
Красноярск. 1973 год)*

— Мы на лодочке катались,
а под лодочкой вода.
Девки юбки замочили,
а на Сашку вся беда!
Деда Ваня вместо «Здрасьте»,
пел про лодочные страсти.
Девоч я не знал тогда,
на меня за что «беда»?
Дед — отец моей бабули!
Прадед — длинно, вот уж дули.
Пел роскошно «дед» Иван,
я ему не подпевал.
Пел, когда сажал картошку.
Пел, когда грибов лукошко.
Пел, на нервах мне играл.
Я вообще не подпевал.
И от деда втихаря
пробирался в стайку я.
В царство солнечных лучей,
заглянувших из щелей.
Запах свежесбитых досок,

а на стенках криво, косо
в гордом таинстве металла
инструментов здесь не мало.
Все на солнышке блестят —
хром бочков, червлёный взгляд.
Пилы, пилки, натфилёчки,
бокореzy и тисочки,
тут стамески, рашпиль есть,
пассатижей, ну не счесть.
Вот лежит большой рубанок,
в свежей стружке, как подарок.
Тут раздолье, тем, кто крут,
руки у кого растут,
из-под правильного места.
Боже, как же интересно!
— Мы на лодочке катались!
К стайке дед Иван идёт,
махом мы ретировались,
может мимо проплывёт...
Дед прищурился, склонился:
— Что, Сашулька, заблудился?
Ничего пока не трожь,
научу, как подрастёшь!
Время шло. Подрос малёк.
Только Деда Ваня слёг.
Фронт. Раненье. Слёг. Болит.
Не поёт. Не говорит.
— Мы на лодочке катались...
Пел я сам, давясь от слёз,

строчки в памяти остались,
дальше я без Деда рос...
Сердцем ощутил тогда,
как ко мне пришла беда.

16.06.2022

В Цирке

(Москва.1973 год)

Цветной бульвар. Московский цирк.

Весь вечер на манеже клоуны.

И я к руке отца прилип.

Всё интересно, не знакомо.

Четыре мне. Уже большой.

Темно на улице, и ливень.

И на асфальте предо мной

в огромной луже, горделиво,

два перевёрнутых коня.

Упавших с крыши, вверх ногами

И в обрамлении огня

Висит афиша перед нами.

У гардероба суета. Людей толпа

и, в общем, давка.

Смеётся мама. Молода.

Её оберегает папка.

У мамы «полон рот забот».

А про меня, как позабыли.

Меня толкали все, и вот,

мы спешно вверх засеменяли.

Вошли. Большой и круглый блин

к нему скатились ступеньки.

Теперь шагаем мы по ним

к своим местам, болят колени.
Ну сколько можно. Вверх и вниз
Уже меня садите в кресло.
У кресла я вообще завис,
оно роскошно и чудесно.
Малины бархатный отлив
По спинке, по подушке места.
Я взгромоздился и затих.
Сейчас хоть будет интересно?
Про Дядю Стёпу я читал,
читать в четыре научился.
Зачем, войдя сегодня в зал,
он предо мною взгромоздился.
Такого гадства от него
не ожидал я, право слово.
Так, мне ж не видно ничего.
Я засопел, надулся снова.
Отец мне: «Щёки подбери!
Чего ты их развесил снова»?
Я вздрогнул: «Чьёрт» и «Побьери»!
С «Брильянтовой руки» знакомо.
Вступилась мама: «Ты чего?
Ему из-за спины не видно».
– Да, мне не видно ни-че-го.
и тихо выдохнул: «Обидно».
А представление идёт.
Смеётся зал. Мне не до смеха.
Я весь подался чуть вперёд,
там тубетейка у узбека.

Вам хорошо. Вам видно всё.
А мне уже до слёз обидно.
Ведь мне не видно ничего,
вот ничегошеньки не видно.
Сопел я. Дулся и сползал
с малиновой подушки кресла.
Тут папа пальцем показал
на замечательное место.
В многоступенчатый проход,
что меж рядами, где ступени.
Я поднял взгляд, увидел вот,
мой классный папка. Просто гений!
В проходе, просто чудеса.
Сидеть не надо на ступени.
Как в поезде, что вёз сюда,
с бочков прикручены сиденья.
Вот устремляюсь я в проход
— Колени, ноги, извините.
Я вырвался, прости народ,
Мне просто хочется всё видеть.
Сиденье. Это «дре-ман-тин».
Он как искусственная кожа.
Я помню, в поезде я был,
мне это объяснил прохожий.
Ну на пружинах у него крепёж.
Чтоб не мешал в проходе.
Его так просто не возьмёшь,
но я упёртый по природе.
Пыхтя, сопя, опять пыхтя.

Я опустил со скрипом место.
И гордо попу взгромоздя,
сел в отвоёванное кресло.
Вот на манеже клоун и клоун,
и тётя с рыжим париком.
Они все бегают с бревном.
Огромным. Зал лежал ничком,
он весь заходится от смеха.
Мне расскажите, в чём потеха?
И тут скользнул, и тут поехал.
Сначала устремился ввысь,
меня, как выплюнуло кресло.
Потом я покатился вниз,
вот прямо по ступенькам. Честно.
Не заорал. Не запищал.
Вскочил и быстро побежал
наверх, к предательскому месту.
Отжал. Уселся. Интересно...
Но кресло подлое опять,
меня подкинуло пружиной.
Опять лечу, мне лень считать
ступеньки. Ну, держись, вражина!
Я запинаясь и бегу
вверх по ступенькам. Я могу.
Зал замер глядя на меня.
Застыли клоуны на манеже.
Я, чертыхаясь и сопя
Отжал, уселся, интересно!
Всё повторилось. Каждый миг.

Взлетел, скатился. Зал притих.
Меня клоун на руки поднял.
Над кругом прямо, над манежем.
И я в его руках летал.
Я ошарашен был и взбешен.
Но, вдруг, я клоуна узнал,
поверьте, скромн, тих и нежен.
Я вдруг истошно заорал:
– Семён Семёныч!!! – Зал повержен.
Зал, стоя нам рукоплескал,
– Вот, будет клоун – сказал Никулин.
И тут же место отыскал,
и посадил в манеж на стуле.
Спросил: «Мы можем продолжать»?
Я важно разрешил: «Конечно»!
Я видел каждый жест и взгляд
Смеялся в голос. Я был рад.
На спинку стула не взглянул.
А был то «Режиссёра» стул.
Вот так и сглазил дядя Юра.
Я режиссёр, но я без стула.
К чему вдруг вспомнилось опять?
Ни ко двору и неуместно.
Мне не случилось клоуном стать.
Но, как приятно. Вспомнить детство.

16.06.2022

Голоса

(Норильск 1973 год)

Я бы отдал все игрушки.
И «пожарку», и коня.
Чтоб с утра до ночи слушать,
откровенно говоря,
лучший голос в целом мире,
что меня заворожил.
Мультик «Маугли». Багиры
голос голову вскружил.
С замирающим сердечком
к телевизору бежал.
Ждал я «Маугли», конечно.
Но Багиру больше ждал.
Мне уже четыре было.
Полных, пацанёнку лет.
Интонации Багиры.
Мне затмили белый свет.
Я уже немало песен
в телевизоре слышал.
С грампластинки интересно
дядя сказки мне читал.
В радио визжала «Зорька».

«Пионерская» была.
«Хуже самой репки горькой!»
Вот бесила. Прямо с утра.
Я признаюсь. По секрету.
Никому не говорил.
Что за голос, бесконечно,
Я Багиру... полюбил.
Всей душою. Всем сердечком.
Ждал свиданья, как шальной.
С ожиданием бесконечным.
«Маугли»! Летел домой.
За тбилисское «Динамо»
не болел я, скажем прямо.
Было много важных дел,
но футбол всегда смотрел.
Вот наврал! Футбол я слушал,
над подушкой гордо уши
поднимались торчком.
Комментировал футбол.
Голос мудрого грузина.
Говорил, ни слова мимо,
он мне в душу попадал.
Вот ведь, профессионал.
Увлекательнее сказки
никогда не слышал я.
Просто замирал от счастья.

Вам признаюсь я, друзья.
Комментатор Махарадзе.
Имя я узнал, Котэ.
Воплощал футбольный праздник
на понятном языке.
Интонации красивы.
Тембр яркий и живой.
Хоть мячи летели мимо.
Для меня ты был герой.
Уходили люди с улиц.
Опустела вся страна.
Штирлиц на экранах курит.
Наш разведчик. Голова.
К телевизорам в квартирах
собирался весь подъезд.
Я средь тиканья на буквах
свой расслышал интерес.
Головою Штирлиц думал.
Голос Штирлица другой?
Он разведчик, надо думать.
Маскируется. Герой.
И от дыма по квартире,
где «весели топоры»,
Капеляна голос, Фимы,
с хрипотцой. Что ждали мы?
Закурили пол Берлина.

Штирлиц плавает в дыму.
Очень жадно, дяди Фимы,
интонации ловлю.
Глуховатой хрипотцой
он кружился надо мной.
Я внимал заворожённо.
В нём уверенность. Покой.
Мог я слушать бесконечно.
Каждый день по сотню раз.
Ведь уверенность в Победе.
Голосом вселял он в нас.
Как Касаткину услышу,
Махарадзе, Копеляна.
Детство снова станет ближе,
словно и не пропадало.
И из памяти всплывают.
Стоит лишь закрыть глаза.
Оживают. Увлекают.
Мне родные голоса.

19.07.2022

Аэропорт «Северный» (Красноярск. 1974 год)

Кто тут главный по полётам?
Кто рулит аэрофлотом?
Вы не видите меня?
Только главный, самый, я.
Вот степен и деловит,
влез на крышу. Чудный вид!
Справа аэровокзал
шпилем небо подпирал.
От него перрон – бетон —
для судов воздушных дом.
Весь в весёлых огоньках,
весь в разметках – полосах.
И доколь хватает глаз,
как бы с крыши не упасть,
стрункой ровной поперёк.
Полоса – «посадка – взлёт»!
Шевельну рукой немножко
самолёт войдёт в рулётку.
Пробежится по ладошке,
стоя поворчит немножко,
и, турбинами ревя,

вдруг помчится меж огня.
Что бегут по полосе,
чтоб в тумане видно всем.
Быстро скорость наберёт,
оторвётся и в полёт.
Я руками помашу,
облака растребушу.
Чтоб красивый самолёт
в небо поднимал пилот.
Из-за тучки, по порядку
ИЛ заходит на посадку.
«Восемнадцатый» любил
он домой, в Норильск возил.
Я прищурился, поправил
на глиссабочку направил.
Прямо посерёд огней,
чтобы мягче и точней.
Вот шасси на полосе
Счастлив я – довольны все:
Две вороны, голубь, кот,
даже, в огороде крот.
Влёт, посадка, карусель.
В небо, с неба, целый день.
Я за всеми приглядел,
но на крыше обгорел.
Жар, озноб. И в лёжку я.

Голова летит моя.
Впереди летит живот.
Полосы не видно. Вот.
Я к земле всё ближе, ближе,
из пике вдруг резко вышел.
Руки – крылья разведя,
пусть во сне. Летаю я!
Пятилетний я пилот,
мне не нужен самолёт.
Вновь на крыше главным стану,
сразу, как с кровати встану.

21.06.2022

Первая книжка

(Норильск. 1974 год)

Завитушки и кружочки.
Буквы в ряд стоят на строчке.
Строчек ровных целый лист,
листик к листику прилип.
Корешок у переплёта —
очень тонкая работа.
А обложка классная,
кожаная, красная.
Буковки тиснёные,
с золотом, рифлёные.
Это просто «Фолиант»,
чистый среди книг бриллиант.
Этой книгой любовался,
засыпал и просыпался.
На меня смотрел, дружок,
этот красный корешок.
Тут вам надо рассказать,
в доме книг не сосчитать.
Папа в комнате моей
сделал полки на стене.
Всё от потолка до пола

было царством книжных полок.
Маме нравилось читать.
Папе полки собирать.
Книги в доме не тужили,
их читали, их любили.
Папа книг не понимал,
лишь журналы он читал.
«Вокруг света», – там всё странно,
про неведомые страны.
«Юный» был «натуралист»
Как живёт зелёный лист.
В общем «фауна» и «флора»,
для детей, но право слово.
Я вообще не огородник,
ни вчера и не сегодня.
Был ещё журнал хороший
«Техника» для «молодёжи».
Я его любил листать
и картинки вырезать.
И огромный, в сто страниц,
фотки очень умных лиц,
про «Науку» и про «жизнь»
в нём сплошные чертежи.
Папе было интересно,
– «Чтиво должно быть полезно»
Ну, листал журналы я,

только мамочка моя
лишь, свободная минута
открывала книжку. Круто...
В кресле ноги поджимала,
у торшера и читала.
Что-то было в этом действе,
видно в книжках интересней,
чем канючинья мои,
или младшей плач сестры.
На сестрёнки дикий ор
был короткий разговор,
громко «Яузу» включали —
это наш магнитофон.
Из динамика плыла песня,
слушала сестра.
Как певица Пугачёва
«Арлекиною» была.
А за ней бежал Леонтьев
из «Откуда» в «Никуда».
Мне четыре с половиной,
«Азбука», пока что мимо.
Я немножко потружусь,
я, конечно, напрягусь.
Пальцем ткнув, спросил я маму:
– Что за буква?
– Это? «Мама». Или просто буква «Эм»

Саша, а тебе зачем?

– А вторая в «Маме», «А»?

– Ну, конечно, голова!

В школе дети учат буквы,
чтобы понимать слова.

Мне до школы года три.

Долго, что ни говори.

И заветный «Фолиант»

улыбнулся: – Мал ты, брат!

Понял. Надо ускоряться.

До тебя быстрее добраться.

За неделю задолбал

всех, с вопросом приставал:

– Это? Это, что за буква?

Эта после? Вместе? Круто!

На виду «журнал листал»,
про себя слова слагал.

На второй неделе. Точно.

Прочитал я бегло строчку.

Сразу смысл уловил.

Текст со мной заговорил.

Я к строке прибавил строчку.

И читал от точки к точке.

Ну, заветный фолиант,

ты-то думал, я слабак?

Наконец, глубокой ночью,

чтоб никто не видел точно.
С полки книгу я стащил,
в предвкушении открыл.
Что случилось, я не понял.
Кто-то время отключил.
За ночь я прочёл запоем
половину, и героем
я заснул под утро с книжкой
на подушке, как мальчишка.
Папин голос:
– Офигел? Сашка, точно оборзел!
Ты зачем у мамы книжку
взял без спросу, а? Пострел?
– Дочитаю и отдам.
Мам, скажи ему. Ну, ма-а-ам.
Я привычно заканючил,
пробурчав:
– Пардон, Мадам...
Мама глазки распахнула:
«Боря, слышал, что сказал»?
– Я сказал, пардон, Мадам.
Позже книжку я отдам.
Мне немножко, дочитаю...
Тут и папа в ступор впал.
Я читал открыто. Споро.
Много слов мне незнакомых.

И опять с расспросами
приставал ко взрослым я.
– Что такое «будуар»?
– Что такое «кардинал»?
– «Тама», туалетный стол???
– «Шевалье»? Он что – «Осёл»????

Фолиант – «дремучий лес»,
мир загадок и чудес.

По тропинкам я плутал,
только к ночи дочитал.
Перечитывал раз двадцать,
чтобы в смыслах разобраться.

Мало, просто прочитать,
надо очень много знать.
Честно. Многого не понял.

Мал ещё. «Аника воин»
Фолиант на место встал.
Я с ним новый мир узнал.
На диету сел друзья,
книжка – день, большая – два.

По ночам не спал при этом.
Время жалко на обеды.
Волков, Носов, Михалков.
И Бианки, и Житков.
Заходер, Маршак, журналы
«Жизнь – Наука», для забавы.

Много лет прошло с тех пор.
И в обычный разговор.
У своей спросил я мамы.
Стёрла память. Жизни драмы.
– Книга первая моя,
вот совсем не помню я?
Улыбнулась мама тоже:
– То, «Шагреневая кожа»
Оноре Де Бальзака...
– Ей, спасибо, на века.
А ещё, спасибо маме,
у торшера, на диване,
на софе и на тахте.
К книгам страсть
привила мне.

20.07.2022

Карусель

(Рудник «Медвежий ручей». Норильск 1974 год)

- Ну вот, знакомься «Гуся», сын!
Отец с драконом говорил.
Меня перед ковшом поставил
и, важно, стало быть, представил.
Зубами в землю ковш воткнулся
и, даже мне не улыбнулся.
- Привет. Я Саша. Мне пять лет.
Ни звука. Тишина в ответ.
- А «Гусь» ...?
- Тут просто. Гусеничный.
Пятикубовый ковш, приличный.
Давай, на трап залазь, Санёк.
- Я не достану. Ты б помог.
Отец схватил кусок цепи.
Трап опустил.
- Пап, подсади.
- Давай, вскарабкивайся, мелочь.
- А сам то... – мне сказать хотелось,
но я смолчал. Да ну его,
он шутит так. Не очень, зло.

Он, в целом, даже добродушен.
Да и помощник тут, к тому же,
дылдометр под метра два,
он папы правая рука.
Помощник, то бишь, Машиниста.
В открытом руднике скалистом.
Здесь добывается руда.
В породе горной есть она.
Сверкает жилами вкраплений
запас на много поколений.
Ну ладно. Что я про руду.
Дракону в брюхо я иду.
По трапу мы взошли на мостик,
– А это, папа, что за хвостик?
У экскаватора торчит?
– То, кабель силовой лежит.
Толян ты что...?
Толяна сдуло.
Толяном кабель подтянуло.
Замок защёлкнулся в разъёме.
– Вот, блин, помощник. Что за горе?
Я испытал злорадство малость.
Вот и помощнику досталось.
Я «мелочь» и среди друзей.
Зато Толянчик – «ротозей».
В Машинном зале, иль отсеке,

Дракона сердце прячут в клетки,
для безопасности людей,
чтоб не задеть рукой цепей,
что поднимают кверху ковш.
— В карманы руки и не трожь,
здесь ничего. На стенах полки
в них силовые установки.
Давай за мной, кабина здесь.
Открылась дверь. Ни встать, ни сесть.
Тут как в кабине космолёта.
Тут кресло главного пилота.
Два рычага, в полу педали
и много маленьких деталей.
Тут тумблерочки, рычажки,
повсюду странные значки.
Один я знаю:
— Папа, вот...!
— Знакомо? «Не влезай, убьёт!»
Толюсик, что оно на кресле?
— Схватил! Лечу! Уже на месте!
— А силовую запустил? Напругу?
— Кто тут командир?
Игнатъич, инициатива,
«макак» немало погубила.
— Давай, «макака», запускай.
— Как у «макаков» там? О'кай!?

Пошла вибрация слегка
от очень мощного движка.
Отец Дракона разбудил
и тот ковшом зашевелил.
Чуть сдал назад и понемногу
из пасти выплюнул дорогу,
и приподнявшись над землёй
как будто бы встряхнул головой,
квадратной и раззявил рот,
в него «жигуль» легко войдёт.
Им управляет папка мой,
Дракон от этого живой.
По мановению руки
в породу он вонзил клыки.
Как нож сквозь масло.
Полный ковш.
«Белаз» стоит, в него положь.
Нет, не «положь», а загрузи
и вновь взлетают рычаги.
Сижу, своим люблюсь папкой.
Как отбивает он атаку,
«Белазов», что стоят рядком.
Под ковш становятся бочком.
Он собран и в движениях точен.
В работе весь сосредоточен.
– Не скучно, Сашка?

– Что ты, нет!

Прожектора и слепит свет
от нескончаемых «Белазов»,
что три ковша вмещают разом.

Гудок. Отъехал. И другой.

Здесь за руду ведётся бой.

Вдруг встали. Больше нет машин.

– Минуток двадцать постоим.

Пока доедут до отвала,
машин сегодня, как-то мало.

Я этих пауз не люблю,
достань-ка термос, чай налью.

Горячий. Обжигает рот,
под чудный мамин бутерброд,
в «припарке» взяли мы с собой.

Закинемся и снова в бой.

Ну вот, чего-то я сомлел.

Прилёг и сладко засопел.

Качаясь мягко на волнах,
в спокойных, безмятежных снах...

Как странно. Тихо глаз открыл.

Отец педалью пол давил.

А мы вращаемся по кругу
на месте стоя, врать не буду.

Отец глаза свои закрыл
и нас крутил, крутил, крутил.

И было в этом странном... «что-то»?
предвосхищение полёта.
Отец блаженно улыбался,
а я, чего-то, стушевался.
За папой, будто, подглядел.
Почувствовал, как покраснел.
Что происходит в самом деле?
Мы будто в странной карусели,
в кабине папа мой и я
и звёздно кружится земля.
– А дядя Толя где остался?
– Зуб у ковша у нас сломался.
Сейчас вернётся, поменяем
Ковшу мы «зубик» новый вставим.
Порода жёсткая пошла,
вкраплений нет, одна скала.
«Белаз» подъехал. Вышел Толя,
сгрузили «зуб» к ковшу на поле.
Немного в папе килограммов,
а в «зубе» вдвое, скажем прямо.
Сто тридцать честных килограмм.
Мой папа в одиночку взял.
Присел, поставил у ковша,
чуть поднатужился и: – На!!!
Одним рывком, в один присест,
зуб на ковше. – Крепи вот здесь!

Толян заклёпку резво взял,
он папу слушал. Уважал.
– Иди, Санёк, садись-ка в кресло!
Стремглав. Я пулей занял место
До рычагов достал и ладно
А до педалей? Блин. Досадно.
– Освой вначале рычаги.
Педали позже. Впереди.
Один рычаг вперёд, назад.
Там с усилением гидрант.
Второй, конечно, вниз и вверх,
Попробуй, мягко. Дёргать смех.
Давай назад и вниз. Отлично.
Теперь вперёд и вверх. Прилично.
Помягче в воздух погружай,
Как горсть воды в ладонь черпай.
Меня захлёстывало счастье,
какой отец устроил праздник.
– Так, подтяни к машине ковш.
Не плохо, Сашка, вот могёшь.
Отец ногой достал педаль.
Вот, что не сам. Конечно жаль.
Стоит передо мной скала.
Я замер и дышу едва.
– Давай, попробуй, аккуратно.
А не поддастся, ты обратно,

чуть ковш к машине подбери
и чуть пониже ковш воткни.

– Пошло!

– Куда б оно девалось?

Движок гудел. Скала поддалась.

Я чувствовал, как ковш тяжёл,
как будто сам я стал ковшом.

Как будто стал Драконом сразу
ладонью черпал. Раз за разом...

Про «Карусель» я не спросил.

Но я её не позабыл.

И только через много лет,
я осознал. Нашёл ответ.

Отец держал в руках «штурвал»,
глаза при этом прикрывал.

Мечтал мой папка стать Пилотом.

Он, до меня, учился в лётном.

Но, вот, родился я – «сынуля» —
мечты о небе упорхнули.

Штурвал сменил на рычаги,
но бредил небом, до тоски.

Та «Карусель» была «Полётом»...
и был я в ней вторым пилотом.

Прости, Отец. За всё! Прости.

Навзрыд я плачу...

...от тоски.

28.07.2022

Капитан

(Лодочная станция «Валёк». Талнах 1975 год)

Меж Норильском и Талнахом
своясь короткий летний срок.
От рассвета до заката
речка славная течёт.
Взламывая лёд в июне,
бьётся бешено поток,
словно узники рванули
на свободу. Вышел срок.
Словно сквозь решётку клетки
на свободу, на простор,
очень дикий, очень редкий,
сокол в небо, взмыв, ушёл.
А потом река стихает,
скинув зимний саркофаг.
А потом вода спадает,
укрошая буйный нрав.
То лазурно – голубая,
то свинцовым серебром,
меж берегами отражая,
солнышко, Полярным днём.

И на бережке пологом,
там, с Норильской стороны,
Лодки в ряд, друг к другу боком,
в ожидании волны.

В ожидании сезона, в заполярье,
«Рыбаря»

Как к законному улову,
к браконьерству, втихаря.

Там, законные строенья,
не балки, не гаражи.

Сейфов целое селенье,
в них суровые мужи.

Папка мой из них, суровых.

Сейф у нас роскошный, новый.

В нём хранятся под замком:
сети,

лодочный мотор,

сапоги длиннющие,

вёсла под уключины,

спас жилеты красные,

спас круги прекрасные,

ватники, дождевики

и сигнальные флажки.

Мы даём отмашку ими,
чтоб по курсу обходили,
слева или справа нас,

а не то на абордаж,
с папкой мы готовые,
мужики суровые.
Пусть у нас всего, лишь «Обь»,
но кто видел, не соврёт.
В акватории Валька
скоростнее нет пока!
«Вихрь» простенький. Тридцатый.
Подшаманен был он папой.
Папка с техникой дружил,
Папка технику любил.
В очередь к нему стояли
и проходу не давали.
С малой или большой бедой
обращались все гурьбой.
– Слышь, Игнатыч, выручай!
Дядя Боря, помогай!
Просят, надо помогать.
И отец бежал спасать.
Отложив свои дела:
– Подождёшь, часочка два?
Я перечить не могу:
– Ну, конечно, подожду.
Все здесь папку уважали,
улыбались, руку жали.
Боря – руки золотые!

Это люди говорили.
Я гордился, но сопел.
Погрузившись в кучу дел,
вечно папка забывал,
про потомка. Засыпал
в сейфе, дожидаясь папу.
Нам же на рыбалку надо.
Нам на Ламу, на разливы.
На «Глубоком» – переливы.
А на «Мелком», там изба.
Как тут выбрать? Кутерьма.
Вечно суета с погрузкой,
но «Обушка» на борт узкий,
всё безропотно берёт.
Что отец в неё кладёт.
Примотали спас круги.
Защити и сбереги.
Вёсла на борт и канистры.
И топорик «золотистый»
И палатку не забыть,
котелок, уху варить,
верный чайник закопчённый.
Облачились и готовы.
Встать «Обушкой» на волну,
тяжко опустив корму.
От мотора, от винта.

– Сын, к штурвалу! – красота.
Я мальчишек знаю мало,
шестилетних капитанов.

02.07.2022

Арбуз

*(ул. Богдана Хмельницкого
10. Норильск 1975 год)*

Я шестилетний карапуз
домой скакал, чтоб есть арбуз.
В Дудинку «Северный завоз»
арбузы с Астрахани ввёз.
И первый мама нам купила,
и... в холодильнике закрыла.
До вечера, чтоб стал холодным,
морозным даже. Благородным.
Я думал вечер не дождусь
и на слюну весь изойдусь.
И чтобы меньше горевать,
пошёл с друзьями поиграть.
Мы пробежались тут и там,
пожарка, стадион, к гаражам
На местный рынок заглянули,
в жаровне семечек надули.
И кто сказал, что там «горелки»?
Мы «семки» лузгали как белки.
Погода класс. Был август сух.
Домой я нёсся. Слеп и глух.

Душа томилаcь без арбуза,
летел я в предвкушeньи хруста.
Я мимо cтaйки из ребят
пронёcся пулей. Стоп. Назад.
Они cтoяли полукругом
и не общaлись друг c другом.
Cтoяли молчa. Это «чё»?
Тaкого не было ещё.
Иду в попытке разобрaться,
я тут в авторитете, брaтцы.
Cтoят. Плечaми пожимают.
Печaльны взгляды. Cоcтpадают.
Что происходит, – чёрт возьми?
Cтoит дeвчoнкa у cтeны.
И слёзы кaтятся по ней,
меня, бaшки нa две длинней.
– Cлучилось, что?
– Ну... я... игрaлa. Ключ...
От квaртиры... пoтeрялa.
– И это всё? И вcя бeдa?
– Ругaтьcя мaмa будeт...
– Дa!
Но это пocлe и пoтoм.
А ты мoкришь. Сырeет дoм.
Дeтeй пугaeшь. Нoc oпухший.
Пoйдём. Съeдим пo пол арбузa!

Девчонка, носом повела,
представьте, за руку взяла.
Заходим вместе: – Мой подъезд!
– И мой. Живу я тоже здесь.
Я на четвёртом.
– Я на третьем.
Прикольно. Значит мы соседи!
А вмести, съевши арбуза...
подружимся?
– Я, только, за...
С тобой не страшно ничего.
Меня тарасило всего.
От чувств доселе не знакомых,
Мне доверяют. Я «кондовый»!
– Знакомься, мама! Э...?
– Наташа.
– Вот клёво, как Натулька наша.
Двухлетка, младшая сестра.
К нам с подозреньем подошла.
На нас смотрела и сопела.
– Натулька, ты арбуз не съела?
– Не с. ела, мама не дала.
Казала, фтоб тебя здала.
И мы пошли на кухню дружно.
Квартира запахом арбузным,
благоухала хладным летом.

Из холодильника, с приветом!
Вот куча корок на столе.
Уже объелся я вполне.
Сидим, болтаем ни о чём.
И, в общем, дружно так живём.
Истошно прозвенел звонок
Наташи мама на порог,
вошла и прямо там, с порога
раздался ор её, ей Богу.
– Наташка где? Иди сюда!
Кто разрешил тебе сюда!
Какого бродишь по соседям!
Как ты посмела к людям этим!?!
Наташа стихла, побледнела
и, чуть опять не заревела.
Я ей сказал: – Сиди, молчи.
А сам на ор пошёл в ночи.
Ну десять вечера у нас,
темно на улице сейчас.
– Да! Неприятности бывают.
И дети все ключи теряют.
Но разве повод так орать.
И спать соседям не давать?
Я подошёл, насупив бровь,
мол, поглядите, как суров.
Избрал защиту нападением,

кто выдумал её, тот гений.
Тут важен натиск и напор.
И я продолжил разговор:
– Зовут Вас, тётя...?
– Валентина.
– Я друг Наташи вашей.
– Сына! – молчала мама до сих пор
А тётя пялилась в упор.
(Она мне позже рассказала,
что от нахальства в ступор впала.
Мол, от горшка один вершок,
её отчитывает. Строг.
Смотри за дочку как вступился,
не стушевался. Распалился.)
– Прошу Наталью не ругать.
Ребёнка на ночь не пугать.
Снимайте Ваши тапки – туфли,
арбуза ломтик ждёт на кухне.
Он пыл ваш мигом остудит
и Вас с Наташей помирят.
Подумаешь, ключи, проблема.
У нас всегда открыто. Верно?
Нужна мне помощь мамина
один за всех не справлюсь я.
Сказала мама тихо: – Да...
Ключи такая ерунда.

Вот Санька мой... такой балда...
Эх, мамы мамы, так всегда.
Им вечно есть, что рассказать.
Им вечно, лишь бы поболтать.
Они сидели, ворковали.
Я слышал, папок обсуждали.
Мы в комнату ушли играть.
Арбуза нет и время спать.
А мамы наши всё болтали.
Она одна у тёти Вали.
Ещё, она уже гимнастка.
А Сашка – увалень попастый.
Зато читаю много я.
Гордится мамочка моя.
Они ушли часов в двенадцать.
Тот вечер кончился прекрасно.
Сдружились мамы, мы дружили.
Мы в детстве беззаботно жили.

24.07.2022

Капкан

*(ул. Богдана Хмельницкого
10. Норильск 1975 год)*

– Эх, Санёк, беда какая,
как спасти тебя не знаю.
Угораздило ж тебя,
руку в шуку сунуть, да!..
– Пап, не руку, только палец,
руки вот, со мной остались,
вот, лишь, с пальчиком беда.
– А, на кой отдал? Балда.
шук зовёт народ «собака»,
ведь для них любая драка,
под водой и на воде.
Просто счастье. Сунул где?
– В холодильнике увидел,
нос погладил, не обидел,
вот. Смотрю, у ней из пасти,
язычок торчит, вот здрасьте,
Я ж заправить язычок,
а она зубами щёлк,
палец мой попал в капкан,
весь я тут, а палец там...

Тут я чуть не заревел,
но сдержался, не посмел.
Папа мой «соплей» не любит,
мама, тоже, не «голубит»:
— Слез не надо проливать,
за поступки отвечать
нужно маленьким и взрослым
независимо от роста.
— Я плохого не хотел,
не шалил и не шумел.
Просто стало любопытно,
вот попался так, обидно.
— Это ж надо умудриться,
с дохлой рыбиной сцепиться...
— Борь, да ладно...
— Да «шутю».
В неотложку позвоню.
Уж врачи-то посмеются.
Ох, в истерике забьются.
Палец в рыбьей пасти «кляпом» —
вот так диво, это ж надо!
— Ладно, не пугай сынишку,
он расстроен, даже слишком.
Обойдёмся без врачей,
Сашка, хвост держи бодрей.
— Да, Любаша, ты права,

лучше б, начал он с хвоста.
Безопаснее бы было,
а теперь, прощай уха.
– Мама. Папа. Что же делать?
Мне стоять тут надоело.
Холодильник час открыт
и, признаться, холодит.
Может палец я рвану?
– А вот это ни к чему!
Зубы – крючья, как воткнутся,
Палец может не вернуться.
Щуку вытащу на «три».
Только, Санька, не ори.
Папа рыбину достал,
я за рыбой телепал.
Чтоб о зубы не колотья,
папа терпит, не смеётся.
Водрузив её на стол,
папа вышел и зашёл.
Он принёс пилу,
стамеску,
два напильника
и леску.
Полотно ножовки,
нож,
Пассатижи,

Вантуз,

Ёрш.

Штангенциркуль

и кусачки.

Мне вот было не до «ржачки».

Я смотрел во все глаза,

папа хищно так сказал:

– Ну, Санёк, расклад такой,

раз не дружишь с головой,

надо выучить урок,

не хотел я, видит Бог.

Ты не вытащил, не смог,

челюсть шуки, как замок,

В общем, как тут не мудри,

будем резать с головы.

Папа нож, широким хватом,

шуке голову оттяпал.

Взял кусачки и умело,

два разреза, справа, слева.

Папка спас, «капкан» открыл,

палец мой освободил.

– Посмотри, какие зубы.

Внутри остриём загнуты.

Среди рыб она «бульдог»,

хватка челюстей – «замок».

Отомстим мы ей за это,

станет рыбною котлетой.
Не достойна стать ухой!
Палец свой промой водой.
Йодом обработать раны...
– Тут царапины...
– Тут?! Шрамы!!!
Что мужчину украшают
и всю жизнь напоминают,
что, зачем, в кого пихать,
чтобы «шпротиком» не стать!
Ведь, тебе до школы год.
Ты бы пальцы поберёг...

03.08.2022

Тьма

*(ул. Богдана Хмельницкого
10. Норильск 1976 год)*

Лето перед самой школой.
В первый класс пойду я. Новый
буду в школе ученик.
Я в восторге! Мне Дневник,
первоклассника купили,
в чёткий ранец положили.
А ещё в нём есть пенал,
чтобы ручки не терял.
Форму в августе возьмём,
вдруг за лето подрастём.
Но в конце, сейчас начало.
Август, солнышко сияло.
С мусорным ведром, с «помойки»,
проходил я мимо стройки.
Между гор из кирпичей,
там ребята побойчей.
Повзрослей, в войну играли.
Из укрытия стреляли
во врага! В фашиста, значит,
и кидались на удачу.

Друга в дружку кирпичом,
чем же им «стрелять» ещё?
Под обстрелом, под бомбёжкой
я пригнулся понарошку
и меж ними побежал,
к дому ближе. Я всех знал.
Вроде, видели меня,
понадеялся я зря.
Удивительное дело,
мне в затылок прилетело
тяжеленным кирпичом.
Я упал, а как ещё?
Отключается сознание,
где я, кто? Уже не знаю.
Голова гудит и раз,
что случилось? Свет погас.
Ща пройдёт, сейчас, не сразу,
я моргаю раз за разом.
Обступила ребятня:
– Ты чего? – Не вижу я...
Не кричу, мужик, не смею.
Больно, шатко. Сам сумею.
Нужно до дому дойти.
Мне тут близко. Встал идти.
Кто-то руку мне подал.
Я чужой руки не взял.

Справлюсь сам, а вы играйте.

Не фиг, не переживайте.

По пути пройдёт, ворчу

Я ж, не немощь, не хочу.

Папа щас придёт с работы,

а меня, под ручки, кто-то...

Я ведро своё нашёл

и поплёлся, сам пошёл.

Но ребята не отстали,

рядом шли, грустнее стали.

– Не специально, извини.

Больно, Сашка?

– Отвали.

Я на них уже сердился,

шёл и, только не молился.

Я молиться не умел,

я ведь буду пионер.

Вот и лестница моя,

ничего не вижу я.

Ноги, вроде бы идут.

Руки стеночки скребут.

Мне на третий. Я не смел.

Я застенчиво краснел.

И совсем не от стыда.

Папа всыплет, вот беда.

Может просто не заметят.

Поднимаюсь я на третий,
в двери проскользнул, как тень.

И в распахнутую дверь,
всей харизмой! Что за день!

Коммуналка. Три семьи
и в квартире три двери.

Грохот, гам, переполох.

– Сашка, что ты? Остолоп!

Ты, разуй свои шары!

Зенки ты свои протри!

Что несёшься, как шальной!

Ты здоровый? Не больной?

Встретил так меня сосед.

– Мама дома?

– Мамы нет. В магазин она ушла.

– На конфету! Вот же... на.

Потянулся за конфетой

и спалился, спору нету.

Дядя Толя сгрёб в охапку:

– Что за чёрт! Снимай рубаху,

Вся в кровище у тебя,

голова пробита, мля.

Ты в порядке? Сашка слышишь?

– Слышу классно, но не вижу.

Вот такая вот фигня,

ничего не вижу я.

И вот тут мне страшно стало
Я ослеп? Пиши – «пропало».
Мир погас, настала Тьма
Я не видел ни хрена...
Участковый педиатр.
Мама рядом. Папа матом,
кроет тихо кирпичи,
что кидали «мальчиши».
– Вроде, как отёка нет,
свет включите, видишь?
– Нет.
– Это, плохо. А на солнце?
Хоть чуть-чуть, светло в оконце?
– Всё вокруг темным-темно.
– Что же делать? О- хо- хо.
День за днём идут врачи.
Смотрят, ищут – сто причин.
Может так, а может эдак.
Не поможет, будем это,
верить и не унывать!
Да. Ага. Легко сказать.
Очевидной нет причины
для унынья и кручины.
В темноте проходят дни,
две недели позади.
Хорошо! Теперь я слышу

телевизор. Жаль не вижу.
Ни мультяшек, ни футбол.
Махарадзе крикнул – Гол!
от Тбилисского «Динамо»,
«Пахтакору», в угол прямо.
Раньше с папкой я смотрел,
думал я, что я «болел».
Вот теперь болею я.
Уши – лучшие друзья.
Для друзей, теперь я лишний.
Все заходят – дарят книжки!?
Знают, я люблю читать,
только, надо ж, понимать...
Отобрали б лучше уши,
я люблю читать, не слушать.
Дайте зрение в глазах!
Есть там кто, на небесах?
Снова Доктор шепчет с мамой:
– Ну, не надо. Что за драма.
Ведь живут и полноценно,
как-то люди, несомненно.
Брайль в помощь есть у нас.
Сможет он читать у вас.
Способ читки пальцевой,
что уж тут. Зато живой.
Все привыкнут несомненно.

Образуется, наверно.
Правда, в школу не ходок.
Вот в спецкласс, через годок.
По программе облегчённой.
Ну, какой с него учёный.
Приспособится на раз
он же не один у Вас?
– Не один – вздохнула мама.
– Я всё слышу! Вы не правы!
Вы не доктор Айболит!
Что под деревом сидит.
С мамой я к нему поеду,
он излечит. Исцелит.
Брайль вовсе не давался,
я отчаянно ругался.
Просто стал невыносим,
плакал, даже, голосил.
Я забычился упёрто:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.